

Р.Р.ШИХАМИРОВА

докторант

e-mail: rena@rambler.ru

Бакинский славянский университет

(г. Баку, ул. С.Рустама, 25)

**РУССКИЕ ФАМИЛИИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПУТЕМ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ
ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Ключевые слова: русские фамилии, процесс лексикализации, языковая структура, предикативные конструкции.

Açar sözlər: Rus soyadları, leksikalizasiya prosesi, dil strukturu, predikativ konstruksiyalar.

Key words: Russian surnames, lexicalization process, language structure, predicative constructions.

Морфологическая (словообразовательная) природа русских и некоторых других славянских фамилий достаточно разнообразна. Русские фамилии, как об этом пишут исследователи (4; 9), делятся в основном на патронимические (образованные от имени отца, образованные от личных имен) и непатронимические, которые бывают в форме существительных, прилагательных. К непатронимическим фамилиям относятся и немногочисленная группа метронимических фамилий – фамилий, производных от женских имен (Марьин, Машкин, Натальин, Пряхин и т.п.).

Однако в системе русских фамилий выделяется особая группа непатронимических фамилий, которые образованы на базе либо атрибутивных словосочетаний (Новожилов – новый жилец, Чернобровкин – черный брови, Сухожилов – сухая жила и т.п.), объектных словосочетаний (Добролюбов – любить добро, Козодоев – доить козу, Лиходеев – деять лихо и т.п.) и иногда обстоятельственных (скоробогатов – скоро разбогател, Дурнопьянов – сильно (дурно) пьян и т.п.), либо же предложенческих единиц: Пролейбрага (пролей-брага), Прожгибок (прожги - бок), Трясилома (трясильном), Умойся-грязью и т.п. (4, 118). Как видно, фамилии этого типа, т.е. предложенческого характера, образуются, как правило, от «прозвищ с глаголами в повелительном наклонении» (4). Прозвища этого типа в украинском языке сохранились в чистом виде (составляя фамилии: Нагнибеда, Гонимед и т.п.), а в русском языке стали употребляться «путем добавления патронимического суффикса ов/ев или ин: Терпигорев (терпи-горе), Гонимедов (гони-мёд), Подыминогин (подыми-нога), Вертопрахов (верти-прах, ср. укр. Вертипорох), Попейвода» и т.п. Подобные тенденции сохраняют следы и в современных фамилиях, хотя вполне понятно, что эти образования также корнями восходят к тем историческим фактам, которые явствуют из целого комплекса «раритетных» имен и фамилий, имеем в виду такие, например, современные фамилии, как «Забейворота» (Юлия Забейворота – корреспондент-ведущая российского телеканала «Планета») или «Добрыднева» (ученый-лингвист из Волгоградского университета).

Впрочем, фамилия «Добрыднева» сложилась не на базе модели «императив + объект» (нагнибеда, Забейворота и т.п.), а по модели лексикализации устойчивых словесных комплексов типа «христорадничать» (ср. христораднов – болгарск. фамилия): по мнению «Добрыднева» образовано на базе выражения «Добрый день»: Добрывечер и добрыдень – общее приветствие «добрый вечер, добрый день». Добрыдни – добро, имущество, скарб, особенно женские пожитки, одежда наряды и т.п. В Вологодской области «добрыдни» противопоставляются «злыдням», означая добрые дни, красное или благополучное житье, достаток, довольство. *Добрыдничать* – здороваться, пожелать кому *добророго дня* // Жить в краске, в обилии, благоденствовать

(2, с.445-446). Иногда изначально прозвищные фамилии по тем или иным причинам менялись на более благовидные; так, например, фамилия «Нечитайлов» была изменена на «Белинский», а украинская фамилия «Вырвикшика» на «Крылов». Интересно также наблюдения Б.Унбегауна о некоторых соответствиях в строении фамилий европейский народов, о фактах универсальности некоторых моделей для образования этих ономастологических единиц: «Самый универсальный, хотя и не самый распространенный тип украинской фамилии – это фамилия, построенная по той же модели, что и английская фамилия Shakespeare (Шекспир) – трясина копё: глагол в повелительном наклонении, за глаголом следует существительное в именительном падеже, которое обычно является прямым дополнением к этому глаголу. Сочетание двух элементов, зачастую неожиданных, а иногда и абсурдных – свидетельство неповторимого украинского юмора» (2, 223).

Некоторые из этого ряда лексикализованных единиц встречаются в отрицательной (с негацией) форме: Нежнипапа, Незовибатько, Непийвода, непийпиво и т.д. Образование этих фамилий на базе предложенческих структур иллюстрируется не только на фоне факта участия в них личного глагола в императивной форме, но и возможностью этого глагола-сказуемого включаться в парадигматические отношения по предикативному признаку утверждения/отрицания. Ср.: Дериглаз – Недериглаз («Дериглазов» в русском языке не имеет отрицательной формы. То же самое можно сказать о фамилии Пучеглазов (пучи-глаз; не пучи глаз на чужой квас)). Отмеченные единицы как генетически восходящие к предикативным структурам, противопоставлены единицам, в словообразовательной основе которых лежит словосочетательные (номинативные) конструкции: в предикативных сочетаниях императивная форма глагола занимает препозицию к существительному в именительном падеже (Нагни – беда, Взверни- губа, Держи-край, Верши-гора), а в фамилиях с этимологической базой атрибутивное словосочетание императив занимает постпозицию к существительному: Дубогрей (дуб греіті), Козодой (коза - доіті), Вовкогон – Волкогон (русифицированная форма «Волкогонов»), Самодвига (сам двигати), Сыроед, Куроцап и т.п. И вполне понятно само появление в структуре этих лексикализованных словосочетаний соединительного гласного о/е, свидетельствующего о номинативном (словосочетательном) характере этих фамилий.

Отмеченные признаки, дифференцирующие два комплекса, два ряда фамилий прозвищного происхождения, в принципе подтверждают системный, а не окказиональный характер этих этнокультурных обозначений, столь распространенных в русском и украинском языках.

Универсальный характер формирования фамильных обозначений-номинаций на основе лексикализации синтаксических единиц (предложений и словосочетаний) проявляется и в азербайджанском языке: Qaryağdı (qar yağdı), Allahverdiyev (Allah-verdi), İmamverdiyev (İmam-verdi), Gülverdi(yev); Əliverdi(yev), Məhəmmədverdi(yev – türkmən fam.), Ocaqverdi(yev), Allahverdi(yev), Sübhanverdi(yev), Pırverdi(yev) и т.п. представляют предикативные единицы «субъектно-предикатной» модели в отличие от русского языка, в котором лексикализация двусоставных конструкций предложений практически не наблюдается. В русском языке ономастологические единицы, образованные на базе предложений, включают глагол в форме императива. Императив, как мы отметили, в силу своей обобщенно-грамматической семантике, т.е. ориентации на неопределенное время, нейтрализует участие «подлежащего-субъекта» в структуре наименования. Эту закономерность мы видели на материале как лексикализованных предикативных единиц обычного порядка (перекати-поле), единиц месяцеслова, так и наблюдаем на материале обозначений-фамилий.

В азербайджанских именах-фамилиях конструктивную базу составляют двусоставные предложения (пусть даже без объектного распространителя, который подразумевается в семантике имени) с глаголом-сказуемым в форме прошедшего времени. Этот глагол обозначает конкретный результат чьего-то ритуального прошения от творца, которого представляют элементы Allah, İmam, Əli, Piri и т.п. Иначе говоря, глагол с констатирующим значением конкретного результата какого-то действия вполне свободно сочетается с подлежащим, являющимся субъектом этого глагола-сказуемого. При фиксации имплицитного (неявного) действия прошения сына у всевышнего обязательно фиксируется тот, «кто внял нашим молитвам» - все первые элементы (Allah, Sübhan, Əli, Piri, ocaq и т.д.) так или иначе представляют доминантное семантическое поле концепта «Бог». Следовательно, структура конкретной и реальной ситуации предопределяет структуру (двусоставность) предложения, служащего словообразовательной базой для отмеченных азербайджанских имен и фамилий.

В данном случае наше обращение к азербайджанскому материалу преследует цель иллюстрации универсальности особого типа лексикализации предикативных единиц – тех конструкций, которые, свертываясь в одно слово, генерируют фамильные обозначения (а в азербайджанском и имена и фамилии). В таком же ключе следует понимать становление семантической структуры русских или украинских фамилий, образованных путем лексикализации инвариантной схемы императивных предложений. Так, фамилия Молибога или Нагнибеда обозначают не то, что составляет внутренний смысл этих сложных слов. У этих слов нет уже сигнификативного (обобщенно-понятийного) значения, связанного некогда с императивной формой действия «молить Бога» или «нагнать беду». Эти императивные конструкции, кристаллизуясь, превратились в слова-лексемы особого типа. Особенность их заключается в современном денотативном употреблении: они на уровне семантики уже не соотносятся, не противопоставлены в аспекте корреляции «сигнификат / денотат», оставаясь в пределах только значения-обозначения конкретного лица. Они так же, как и другие фамильные обозначения лишены значения, например, «Иванов вообще» или «Петров вообще».

Однозначное соответствие конкретному предмету (лицу) делает эти номинативные единицы просто единой лексемой, вроде словарного цельнооформленного слова. Императивная форма глагола, сохранившая, например, в единицах месяцеслова свое пусть даже условное и ослабленное назначение просьбы, заклинания, пожелания и т.д., в фамильных номинациях потеряла всякую соотнесенность с глагольной парадигматикой вообще. Эта форма глагола абсолютно не воспринимается как сильноуправляющая глагольная форма, требующая обязательного объекта-предмета (Вырви/кишка, Дери/глаз, Верти/дуб и т.д.). Императивная форма глагола потеряла свои «права» на этот предмет: он выражается не в форме винительного падежа, как того требуют законы синтаксической сочетаемости и законы связи управления, а в форме как бы второго именительного падежа (первый – невыраженное местоимение «ты» при таких императивах), который предъявляет свои полномочия как самостоятельное слово.

Словом, даже внутренняя синтаксическая коллизия императива и объектного слова как бы подавляет традиционные логико-смысловые отношения между компонентами «единооформленного» слова.

Это, на наш взгляд, является основным показателем лексикализации подобного рода фамильных обозначений. И мы, видимо, вправе считать, что самым ярким материалом иллюстрации процесса лексикализации синтаксических конструкций является корпус фамилий, образованных на базе предикативных единиц.

Фамильные обозначения на более высоком уровне абстракции повторяют все грамматические превращения, происходящие в процессе лексикализации исходных предикативных единиц всех трех разрядов – обычных словарных единиц (сорвиголова,

сидидомица, судибоги, гориголовка и т.п.), единиц месяцеслова (Ирина урви-берега, Даря засори проруби, Авдотья подмочи порог и т.п.), единиц фразеологического строя (ещь не хочу, не разбери бери, вырви-глаз, пришей кобыле хвост и т.п.).

Более высокая степень абстракции, присущая фамильным обозначениям проявляется в том, что эти фамилии выступают в своей лексемной функции без всякой связи с этимологией, исходным значением (внутренней формой) базовой, словообразовательной конструкции. Вряд ли кто-то задумывается над этимонной формой и семантической фамилий «Нагнибеда» или «Вернидуб», когда их произносят или слышат. Внимание не привлекают также грамматические средства оформления этих фамилий (синтаксическая сочетаемость компонентов, формы связи между этими компонентами, функции императивной формы глагола). Фамилии – обозначения повторяют все грамматические характеристики, свойства отмеченных трех классов единиц в плане А) специфической односоставности, проявляющейся лишь одной моделью односоставных предложений – определенно-личным предложением; Б) абсолютной невозможностью восстановления подлежащего-субъекта (какой бы категорией слов оно ни выражалось); В) особой формой императива, который если и трудно поддается однозначной квалификации в таких единицах, но вместе с тем является определяющим (конститутивным) элементом организации этих имен-номинаций; Г) соотносительности составных элементов, реализуемых «предикатно-объектную» модель словосочетания с базовой связью управлением.

Отмеченные глубинные свойства фамилий-обозначений сохранили свою сравнительно понятную картину, например, в номинациях месяцеслова. Единицы месяцеслова все еще сохраняют некоторые связи с базовыми предикативными конструкциями, т.е. с теми предложениями, от которых они образовались. Ср.: Алексей – пролей кувшин = На Алексея (человека Божьего, т.е. 30 марта) с гор-потоки, с гор-вода. С этим понятием связан целый ряд народных примет: Каковы на Алексея ручьи – такова и пойма (разлив); Алексей – из каждого сугроба кувшин пролей; На Алексея выверни оглобли из саней и т.д. (4, 509). Как видно, номинация «Алексей – пролей кувшин» имеет особый смысловой фон для ее раскрытия, для ее однозначного понимания как лексикализованной единицы. Так, 1 апреля называется Дарья – засори проруби (иногда «Дарья-грязная прорубница»). «А называется «Дарья-грязные проруби» потому, что вокруг прорубей начинает сильно таять и делается грязью» (4, 510); 13 июня – это «Акулины вздери хвосты» (скот бесится от оводов).

Таким образом, лексикализации единиц месяцеслова происходит на фоне целого комплекса других номинаций-синонимических обозначений, которые поддерживают сохранение лексико-грамматических связей лексикализованной единицы с исходным, базовым материалом. С этой точки зрения можно, видимо, квалифицировать лексикализацию единиц-номинаций месяцеслова как не абсолютной, частичной.

Абсолютная степень лексикализации предикативных конструкций, как нам представляется, проявляется в системе обозначений-фамилий, которые совершенно обоими даже от своих метафорических корней. Метафорические связи вполне отчетливо проявляются, например, среди номинаций-лексем нефразеологизированного характера: вертихвостка (верти-хвост-(ка)); сорвибашка, ломикамень и т.д. Это видно из семантизации данных слов-номинаций в словарях: толкование смысла этих слов обязательно включает «ссылку» на их метафорическое, исходное значение: вертиголовка, вертишейка – пташка, близкая к дятлам (для них характерно крутить головой по широкому радиусу, не двигая телом). Поэтому если распределить весь изучаемый нами материал лексикализованных единиц с предложеческой основой по группам по признаку «степень обобщенности, абстракции семантической структуры», то получил такую последовательность: 1. Абсолютно лексикализованные единицы-

номинации (сюда войдут антропонимы); 2. Абсолютно лексикализованные единицы, сохранившие слабые связи с базовыми метафорами (сюда войдут лексемы-номинации типа вырви-глаз, сорвибашка, дери-глаз, перекаати-поле, немогузнайка и т.п. 3. Относительно (частично) лексикализованные единицы, сохранившие живые связи с исходными предикативными единицами (сюда войдет комплекс единиц месяцеслова).

Литература

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979, 280 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. М.: Госиздат иностр. и нац-х словарей, 1956.
3. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс, 2017, 736 с.
4. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989, 448 с.
5. Шведова Н.Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (сб. статей к 100-летию акад. В.В.Виноградова) РАН, Изд. Института русского языка, 1995, с.409-414.

R.R.Şixamirova

Predikativ konstruksiyaların leksikalizasiya yolu ilə yaranan rus soyadları

Xülasə

Məqalə predikativ konstruksiyaların leksikalizasiya yolu ilə əmələ gələn rus soyadlarının öyrənilməsinə həsr olunmuşdur. Rus və bəzi slavyan soyadlarının morfoloji təbiəti yetərinə rəngarəngdir. Onlar ata adından əmələ gələn və isim, sifət formasında təzahür edir. Həmçinin, qadın adından əmələ gələn soyadlara da rast gəlmək olur. Rus soyadlarının formalaşma prosesi universal səciyyə daşıyır.

R.R.Shikhamirova

Russian surnames formed by lexicalizing predicative constructions

Summary

The article is devoted to the study of Russian surnames formed by lexicalization of predicative constructions. The morphological nature of Russian and some Slavic surnames is quite diverse. They are formed on behalf of the father and are manifested in the form of nouns and adjectives. And the name of the woman [is] the name of the man. The process of formation of Russian surnames has a universal character.

Rəyçi: prof. İ.H.Həmidov

Redaksiyaya daxil olub: 30.05.2022